

Л. Брюк

**ИСТОРИЯ
РАССКАЗАННАЯ**

**перед
КОНЦОМ СВЕТА**

или
**Черт
с вами!**

Г. Брюк
**История, рассказанная перед
концом света, или Черт с вами!**

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6224007
ADVENTURE PRESS;
ISBN 978-1-300-51284-4*

Аннотация

Лирико-саркастическая комедия. Ночной гость. Потусторонние тайны и адава документация. Демоническая старушка, райские крылья и пальто Диккенса. Искры, дым и нервное шипенье грешников. Волны серного воздуха, скрежет зубовный и приветственный грохот сковородок. Тefлоновых.

Содержание

Вступление	4
* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Г. Брюк

История, рассказанная незадолго до конца света, или Черт с вами!

Вступление

Дорогие собравшиеся! Живые, почти живые и еле живые! Вскорости нас с вами ожидает конец. Совсем конец. Конец всему. Полагаю, теперь уже нет никакой пользы скрывать некоторые факты, которые, не будь я трусихой, возможно, принесли бы нам с вами пользу. Но поскольку теперь уже все равно поздно, я расскажу вам эту историю просто так, для развлечения.

Вообразите: ночь. Грохот молний, пахнет паленым. Вы просыпаетесь в ужасе, а на кухне, на вашей кухне, стоит черт. Натуральный черт: пузатый мужчина лет сорока пяти, сильный и плотный, с крупной головой на мощной шее и бесстыжими глазами. Его уши, ноздри и пальцы заросли шерстью, от него воняет козлом, серой, он слегка дымится. При этом он мокрый, по нему бегают еще искры, и он говорит:

– Извините, я в первую попавшуюся квартиру. У вас нет двух-трех тефлоновых сковородок?

Тут он заметил, что я сомневаюсь, и прибавил:

– Я вас запомню. Мы таких вещей не забываем.

Нельзя сказать, что его слова добавили мне уверенности, и тогда черт продолжил:

– У нас там (он сделал движение, показывая, где именно) есть разные варианты.

– Да пожалуйста-пожалуйста, – слегка растерялась я, с адским грохотом открывая духовку, чтобы выдать ему просимое. – Тефлон, правда, облез, но это ничего. Вот, посмотрите: эта совсем новая. Эта тоже немножко облезлая, зато она большая! Масла вам дать? У меня оливковое...

– Что? – изумился черт. – Ах, нет. Это мы обходимся. У нас там машинное обычно применяется. А вообще, я бы и чайку выпил.

– Ну, садитесь. Только дайте, я вам лапы оботру и хвост. Вы мокрый.

Я осторожно вытерла черта полотенцем, немедленно превратившимся в паленую тряпку, и он взгромоздился на табурет, источая едкий дым и обозревая всю скромную обстановку моей кухни.

– Я, – черт стеснительно обернулся, – уже там у вас наследил. Ну, сейчас пару душ вызовем, они все вам подотрут.

– Им это будет нетрудно? – спросила я.

– Ну, что вы! – заржал черт. – Кто же от такой командировки отказывается!

– Сейчас как раз и бутерброды подойдут.

– Да. Зачем же... а как вы их делаете?

– Ну, как это, “как”? Тостер.

– Какая ерунда!

И он мгновенно превратил несколько кусочков хлеба в хорошо прожаренные тосты.

– Сейчас мы парочку вызовем грешников... кто тут у вас помирал недавно, не знаете? Ну, чтобы они домой зашли заодно. У нас же все по-человечески. Ха-ха-ха. (Он закашлялся). Ну да. А как вас зовут-то? Елена... Федоровна? Хм. Ваш, стало быть, дедушки вашего батюшка не священником был в ***бурге? Как же! Как же!

Черт просто сиял от радости, хотя казалось, что наглая его рожа уже и без этого рассиялась наподобие медной посуды.

– Как же! Как же! – продолжал он. – Ну вот. Ой. Да. Надо же, какая прелесть. Правильно я сделал, что на хутор не поехал. Но нам и вилы тоже нужны, вы понимаете? Сейчас очень трудно сыскать вилы. Раньше, вы знаете, очень котировались деревенские драки. Оч-чень! Они друг друга вилами, бывало, перепорют и прямо с вилами нам и поступают.

– Очень удобно, – вежливо заметила я.

– Очень удобно, но сейчас, вы знаете, как-то уже и вилы вышли из употребления. И (он залился смехом) все эти травматические пистолеты нам даром не нужны. Вилы – что вилы? Деревянные ручки у них перегорают очень быстро в наших условиях, менять не на что. В общем, бардак. Вот тефлон пошел. С тефлоном крепко, очень хорошо получается. Две-три тысячи лет служит, как новая.

– А чугунная вам не подойдет?

Я показала ему чугунную сковородку.

– Ну, чугун, у нас же, знаете, как? – черт почесал в затылке. – У нас же каждые пятьсот лет техобслуживание, значит. Отключаем огонь, чистим, сковородки щелочью промываем. А чугунная так пригорает, что ее можно только святой водой отчистить. Ежели капнуть святой водой на сковородку с-под-грешника – сразу – хххххаааа! (тут черт продемонстрировал, как именно это бывает) – и она чистая. Чистая, белая и сияет, – добавил он, благодушно посмеиваясь. – Только так и чистим. Но святую воду трудно раздобыть. Чаще всего свя-

тую воду мы получаем, когда дистиллируем какого-нибудь святого, который к нам по ошибке...

Эти слова мой гость сопровождал выразительным хихиканьем, которое, по-видимому, не мог дольше сдерживать.

– Что вы! – фальшиво изумилась я, не в силах удержаться. – Я знаю, где взять святую воду!

Тут черт умолк.

– Где? – коротко спросил он.

– Святую воду хорошо добывать у домохозяек-любительниц смотреть телевизор, бабушек и тетушек. Они держат ее в своих кладовках, чтобы брызгать в лицо, например, плачущим внукам, а также вообще пить для общего оздоровления, выведения шлаков и предупреждения онкологических заболеваний.

Черт задумался.

– Видите ли, хе-хе-хе, Елена Федоровна, нищие духом вообще не касаются нашего ведомства. Это все напрямик туда, на арфе играть.

Говоря все это, он постепенно начал похохатывать.

– Мы и при жизни к таким не можем иметь касательства, – продолжал он. – Что у них там налито в баночке – нас совершенно не интересует! А святая вода – вещь редкая, она получается дистиллированием доминиканских монахов. Если дистиллировать бенедектинцев, то получается бенедиктин. Он, конечно, святой, но его очень жалко тратить на сковородки. Мы часто его присваиваем себе – делать нечего. А то

от попов вообще никакого толку: надистиллируешь проби-
рочку кагора, и все. И то почему-то луком пахнет.

Я сочувственно покивала.

– Вы не представляете, как у нас трудно, – пожаловался
черт. – Я вот сейчас у вас сижу, чай пью. Мне хорошо. Про-
хладно – в меру. А вот (вы извините меня?) у вас шампуня
нет?

– А вам, – я тоже начала хохотать, – вам какой?

– Ну, я, – смутился черт, приглаживая космы на лбу, – я
когда на землю прихожу, я первым делом... У нас такие есть,
что и в парикмахерские ходят. Но тут тоже проблема. Пони-
маете, раньше было много парикмахеров, которые страдали
белой горячкой. Лет сто назад, сто пятьдесят. Вот как он по-
падет в запой, мы – шась! – к нему. Ведь он же не понима-
ет ничего: что черта постричь, что какого-нибудь мещанина
рижского. А сейчас таких нет. Сейчас один выход: надо ис-
кать совершенно безмозглых девиц. Они тоже могут и хвост
причесать, и все сделать, но они не умеют ничего.

– Как я вас понимаю.

– Ужасно устаешь от этого, – согласился черт. – Вы меня
понимаете, да? Это хорошо.

Он прошел в ванную.

– Ничего?.. – он стыдливо обернулся. – У меня зубная
щетка своя, а вот пасту вашу... можно попользоваться?

– Да пожалуйста! – ответила я, не в силах скрыть восторга.

– Благодарю вас, – сказал черт и засмеялся мягким смеш-

ком, как смеются очень воспитанные, но стеснительные люди, редко бывающие в обществе.

– А то, вы знаете, мы вас не забудем, – он открыл кран и неожиданно рявкнул: – Да!

Я вздрогнула. Я стояла за дверью, чтобы не подглядывать, как он умывается (мужчина, все-таки, хоть и черт!) и, конечно, подглядывала за ним в щель. Я увидела, что он разговаривает с кем-то, протянув волосатую лапу. На стене – я не смогла отказать себе любопытствовать – на стене моей ванной материализовался самый настоящий телефонный аппарат с черной эбонитовой трубкой.

– Да! – говорил тем временем черт уже совершенно другим голосом. – Две сковородки здесь. Да. Пошел в ****!

Он послушал, что скажет его собеседник и тон его сделался мягче.

– Да уж какие есть. Сам ты застрял, собака. Ладно. Да. Да. Да. Да.

Черт положил трубку и сделался опять любезным.

– Можно я еще шампуня в баночку наберу? – попросил он, по-видимому, очень стесняясь.

– Давайте, я вам целую отдам. У меня как раз новый.

И тут увидела, как он вздохнул.

– Ничего, что фруктовый? Вам подойдет?

– Да, – с некоторым изумлением ответил он. – Даже очень.

Все лучше, чем щелоком.

– Возьмите мыла кусочек.

– Ой, спасибо! – черт опустил мохнатые ресницы на свои багровые щеки. – Я только боюсь, как бы вас от нас не забрали.

При этом голос его сделался томным.

– Уж больно вы...

– Не волнуйтесь, – уверила я.

Мы засмеялись.

– Я знаю, что про нас рассказывают, – добавил он, торопливо намыливая щеки и двумя пальцами вытаскивая из стакана на полке безопасную бритву. – Но это все неправда. Про вас, журналистов тоже всякие ужасы рассказывают, а вы же знаете, вы люди совсем не страшные.

Он захихикал прежним заговорщическим хихиканьем, вытер физиономию поданным ему полотенцем и мы вернулись на кухню.

– Привет вам от вашего бывшего шефа, – кстати добавил черт.

Я ахнула.

– Когда же он успел?

– Да вот, как-то, начали было повышение оформлять, все как-то руки у начальства не доходили – и смотри, инсульт. Кондратий.

– И как он...?

– С шефом с вашим был бардак. Дергали его туда-сюда – обхохочешься. Но это, слава богу, заранее было решено, так что я его ждал. Ну, не я, но тоже, так сказать... ждал, в об-

щем. А то, знаете, бывает смешно: прилетит этот придурок с крыльями, и мы тащим: один за одну ногу, другой – за другую. Уж это главное – вытащить к нам. Там потом разберутся промеж себя. Сейчас эти со всякими реаниматорами дошли не знаю, до чего.

Тут черт вздохнул и умолк – очевидно, был совсем измучен.

– А, – прибавил он вдруг, – а скажите, есть ли у вас кто?

Я медленно наливала чай.

– В каком смысле “есть”?

– Ну, известно, в каком.

Черт отхлебнул из чашки.

Молчание мое было долгим, и чем дольше тянулось это молчание, тем более становилось ясно, что не только о приличиях, но и о самом заданном им вопросе говорить смысла не имеет никакого.

Черт ласково улыбался.

– Есть, стало быть, – произнес он.

Я твердо решила не отводить взгляда. Но странное дело: чем дольше вглядывалась я в его лицо, тем более мне казалось...

– Да, – сказала я. – Вы знаете, мне даже кажется некоторое сходство. Так странно. Скажите, а у вас есть родственники?

– Ха, – сказал он, – ха-ха-ха!

И мрачно прибавил:

– Нам этого не положено.

– Очень странно, – я растерялась. – Такое сходство...

– Это бывает, – смеясь, сказал он, а отсмеявшись, прибавил доверительно: – Вам очень повезло.

– Правда? – это было все, что я могла выразить словами.

Черт кивнул.

– Некоторые из нашего брата бывают в академическом отпуске, – сообщил он. – Или по слабости здоровья, или там, кто у начальства на хорошем счету. Бывает, что год, два. Три.

– Три? – сдержанно, как только было возможно, спросила я. – И все?

– Нет, – ответил он просто, добыл из воздуха сигару и, щелкнув пальцами, закурил.

– Дальше я, – маленькую кухню заволакивал дым, – даже не знаю, как сказать. Есть ведь и десять, и двадцать, и тридцать, и сорок лет. И пятьдесят. Сейчас с этим легко. Раньше они обязательно проходили через...

Он мотнул головой, показывая на потолок.

– И что же, сейчас процедура упростилась? – спросила я.

– Да, – небрежно ответил черт. – У нас собственная прокуратура есть, они выписывают наверх – пусть гуляет. Ведь что такое пятьдесят лет – ничего! Так что все зависит, как у нас войдут в положение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.